

Юрий Львович Слезкин

Новеллы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Юрий Львович Слезкин

Новеллы / Юрий Львович Слезкин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-3311-4

Родился в семье генерала Льва Михайловича Слёзкина, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1910 кончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Начал публиковаться в 1901, первый сборник рассказов вышел в 1910. Роман «Ольга Орг» (1914) пользовался скандальной известностью, выдержал 10 изданий, был переведён на несколько европейских языков, в 1915 экранизирован Е. Бауэром под названием «Обожжённые крылья» (фильм не сохранился).

В 1920 познакомился с Михаилом Булгаковым, которого ввёл в московскую литературную среду. В романе «Девушка с гор» (1925) вывел его под именем журналиста Алексея Васильевича. В свою очередь Булгаков вывел Слёзкина в «Театральном романе» в образе Ликоспастова.

Вошёл в историю советской научной фантастики памфлетами «Кто смеётся последним» и «Дважды два — пять», вышедшими под «иностранным» псевдонимом Жорж Деларм.

ISBN 978-5-4241-3311-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Слезкин Юрий
Новеллы (-)

Юрий Львович Слѣзкин

(1885-1947)

НОВЕЛЛЫ

Должное

Негр из летнего сада

Мальчик и его мама

Полина-печальная

Астры

ДОЛЖНОЕ

L'homme n'est pas libre, - pas meme

libre de mourir. - Il s' imagine obeir a sa

volonte, mais il obeit a sa destinee.

Bossuet*

Есть воспоминания, никогда не забываемые; есть случаи в жизни, тайный смысл которых для нас непостижим; есть произвольные поступки, становящиеся необходимыми и роковыми.

Слушайте.

Как-то вечером мы собрались у нашего общего приятеля Олянского. Нас было пятеро. За окном спустилась ранняя осенняя ночь, иногда доносился шум ветра, и видно было, как уныло никли голые ветви деревьев. Бледное электричество, строгая мебель черного дерева, полки с книгами, покрывающие все стены, отсутствие каких-либо украшений в той комнате, где мы сидели, всё усугубляло наше почти постоянное ощущение тупой скуки.

Скука - ужаснее тоски и горше печали; она опутала нас давно и никак не хотела покинуть. Говорят, скука приходит от безделья - такая скука не что иное, как лень, сон мысли, - нашу скуку не могли прогнать самые глубокие мысли и занятия, самые утонченные наслаждения. Жизнь казалась исчерпанной, не было больше тайн, ничто ничего не сулило - всё казалось разгаданным.

Мы курили папиросу за папиросой, чтобы скрадывать часто наступавшее молчание. И, несмотря на это, не расходились по домам, боясь одиночества и томительной бессонницы.

* Человек не свободен, не свободен даже умереть. Он воображает, что подчиняется своей собственной воле, но подчиняется своей судьбе. Боссюэ (фр.).

(Боссюэ Жан Бенинь (1627-1704) - французский писатель. Рассматривал историю как осуществление воли providения.)

- Однако, господа, нужно что-нибудь придумать, - сказал Забелин, совсем еще юный поэт, - так нельзя - наши собрания похожи на тайные сборища тихих идиотов. Право, я готов предложить вам одно развлечение, довольно острое, чтобы расшевелить вас...

Мы улыбнулись его забавному сравнению, а Кашенцев со своею всегдашнею недоверчивою гримасою на красивом лице спросил:

- Что же ты нам предложишь? Помни, что ты будешь жестоко избит, если твоя затея окажется пустою.

- Отлично! - подхватил Забелин, - принимаю условия. Итак, господа, вот что я хочу вам предложить: пусть Олянский прикажет нам принести пять чашек с черным кофе, мы поставим их все рядом и в одну из них опустим какой-нибудь маленький предмет - ну, хоть зернышко неразмолотого кофе. Потом слуга пере-

мешает эти чашки и каждый из нас возьмет по одной.

- Это старо, мой друг, - перебил Кашенцев, - я вижу, что мне придется исполнить свое обещание!

- Нет, нет, - замахали мы на него руками, - молчи, скептик, дай закончить юному...

Забелин продолжал:

- Тот, кому достанется зернышко, должен вызвать на дуэль любого из нас и драться сейчас же, ночью...

Мы недолго обсуждали предложенное нам испытание нервов, хотя многие и находили его несколько наивно драматическим, не идущим серьезным людям, но никто не хотел показаться робким, и все согласились исполнить его. Решено было, что дуэль произойдет сегодня же в Павловске; что на головы противникам прикрепят электрические фонарики для приблизительного указания цели; что поранение или смерть кого-либо нужно будет объяснить случайностью на охоте, и для этого придется надеть охотничьи костюмы и взять ружья.

Тогда нам принесли кофе, и каждый взял свою чашку. Зернышко оказалось у Кашенцева. Он улыбнулся, показывая нам его:

- Это удивительно - я отрицал оригинальность этого предприятия, и сам же волею судьбы становлюсь главным действующим лицом.

Он оглядывал нас, всё так же продолжая улыбаться. Я внимательно смотрел на него.

Лицо его всегда привлекало меня. В его глазах жила вечная тоска и насмешка, рот был тонок и плотно сжат, подбородок упрямо выдавался вперед, крупный тонкий нос ширил беспрестанно ноздри. Он напоминал мне сухую арабскую лошадь.

- Но кого же мне выбрать в противники? - продолжал Кашенцев, - всех вас я одинаково люблю - право, выбор труден...

Он помолчал немного, потом, взглянув на Рунича, добавил:

- Уж не тебя ли?

Рунич, высокий и плотный, с полным бритым лицом и уверенными движениями, только недавно приехавший из орловской глуши, располагал к себе всех своим добродушием и общительностью; больше же всех полюбил его Кашенцев. Рунич ежедневно обедал у Кашенцева, и сегодня они пришли к Олянскому вместе.

- Что же, я согласен, - ответил Рунич, не меняя своей ленивой позы.

Но я заметил, что на лбу его налилась синяя жила и углы губ на мгновение опустились вниз.

Олянский был страстным охотником - он раздал нам всё необходимое, и мы, так необычно наряженные, вышли на улицу. Не были забыты и бутылки шампанского. Уже наряжаясь в охотничьи доспехи, мы невольно оживились, когда же нас обняла беззвездная черная ночь и ударил в лицо резкий осенний ветер, мы сразу же почувствовали увлекательную необычность затеянного нами. Разговор стал интереснее, взвинченнее; мы смеялись, сочиняя надгробные эпитафии умершему и послания родителям, так были уверены, что шутка закончится шуткой. Только Рунич не проронил ни слова... Приехав на царскосельский вокзал, мы взяли билеты до Павловска и сели в вагон.

Я всё время наблюдал за обоими случайными противниками. Мне любопыт-

но было узнать, что переживают они, мне хотелось самому поволноваться вместе с ними, пережить душевную встряску. Но как я ни старался уловить хоть тень беспокойства на лице Кашенцева, мне это не удавалось. Он много говорил, много смеялся, много пил.

- В конце концов это, действительно, не так плохо,- говорил он, все-таки мы ожили, мы оставили свои кресла, нарядились в эти нелепые костюмы и едем в глухую ночь в Павловск. Я благодарен тебе, Забелин!

Рунич сидел молча, нехотя отвечая на предлагаемые вопросы. Но он и всегда не отличался большой подвижностью и разговорчивостью.

Мне казалось, что он всё время о чем-то напряженно думает. Он смотрел в окно, за которым мелькали черные поля и золотые бабочки-искры.

Иногда он потирал рукою лоб, иногда прижимался лицом к стеклу, иногда улыбался, точно посмеиваясь над собою, и сейчас же опять сдвигал свои густые брови. Потом неожиданно быстро поднялся с диванчика, сказал: "Сейчас" - и скрылся за дверью.

- А нашему бедному Руничу, видно, не по себе, - заметил Струйский, артиллерийский офицер, участник последней кампании, - характерное, кстати, явление, у многих у наших перед боем расстраивался желудок - от волнения, что ли?

- Нет, что ты! - перебил его Кашенцев, - я убежден, что Рунич совершенно покоен, и вообще он не трус. Да, между нами говоря, он же должен быть уверен, что я не имею ни малейшего намерения его приколошить!

Но Рунич еще долго не возвращался, и я решил пойти посмотреть, что с ним.

Выйдя за дверь, я увидел его стоящим на площадке спиною ко мне. Он читал какое-то письмо. Услышав мои шаги, он обернулся и смущенно и быстро засунул, скомкав, свое письмо в карман.

- Ах, это ты? - произнес Рунич. - А я тут читал одно деловое послание, которое не успел просмотреть раньше. Представь себе, цены на пшеницу поднялись на семь с половиною копеек!..

Я сделал вид, что не вижу его смущения, и заговорил с ним о том, как мне нравится деревня и как хорошо было бы, если бы можно было поехать на лето к нему в Борки. Он когда-то звал меня туда.

Поезд замедлил ход, а потом совсем остановился, - мы подъехали к Царскому, а через десять минут были уже в Павловске.

Холодный ветер сразу же подхватил нас, как только мы сошли с крытой вокзальной галереи и пошли, скользя по размытой площадке, к парку.

Быстро плыли совсем низко над нами серые тучи, надрывно стонали старые липы, потом мы скрылись под черной сенью сосен. Олянский, лучше нас знавший места, шел впереди.

Кашенцев взял под руку Рунича, и до меня изредка долетали обрывки их тихого разговора.

Но теперь я мало интересовался ими, я весь был под впечатлением окружившей меня со всех сторон осенней гудящей ночи. Из темноты наплывали на нас гигантские туловища деревьев с их смутным шумом сверху, иногда осыпали они лицо холодными брызгами, вот-вот готовые сомкнуться и придавить. Потом, когда мы взобрались на откос, где шла линия железной дороги, гул леса сразу

оборвался, сменившись унылым стоном телеграфных проводов. Далеко горел рубиновый глаз семафора, еще дальше всплывали и гасли темные огни поселка. Несся густой запах промокшей земли, навоза и гари.

С низин тянуло туманом. Медленно взбираясь тяжелыми клубами над дорогой, он распластался и замер, густой и непроницаемый. Это был осенний туман, пришедший вместе с залетными птицами, пронизывающий до костей, насыщенный запахом дыма, подхваченным с вырубленных лесных дач, где день и ночь тлеют старые пни. Он, казалось, дышал огромными жабрами, как гигантская неведомая рыба моря, проглатывая поля с поблекшими травами, вздыхающую землю, одинокие березы, заброшенные деревья. Он наполнял душу ноющей тоской, заставлял вздрагивать от пронизывающей сырости. Ноги плохо слушались, попадая в размытые рытвины, скользя и расплываясь.

Мы шли теперь молча, ошущью, потому что ничего нельзя было различить в этих мутных потемках, изредка перекликаясь и проклиная дорогу.

Наконец, Олянский остановился.

- Я думаю, здесь будет достаточно удобно,- сказал он, - от ветра мы защищены лесом, и место довольно гладкое. Начнем.

Указав место Кашенцеву, мы отсчитали от него пятнадцать шагов и поставили там Рунича. Потом, осмотрев пистолеты, rozdali их противникам, прикрепив на голову каждого по электрическому фонарику.

Не только на пятнадцать, но и за пять шагов ничего нельзя было разглядеть перед собою. Только два робких маленьких огонька указывали нам, где находятся Кашенцев и Рунич.

Когда всё было готово, мы отошли в сторону, и Олянский сказал:

- Будете стрелять одновременно по команде "три", а по команде "раз" наводите пистолеты. Ну, я начинаю... - И, помолчав, протяжно произнес: Раз, два, три-и!..

Раздались два, следующих один за другим, выстрела, и сейчас же мы услышали сорванный крик.

Мы кинулись вперед. На мокрой траве лежала темная и большая фигура Рунича.

- Что с ним? Он ранен? - взволнованно спросил меня подбежавший к нам Кашенцев.

- Да, - тихо ответил я и посторонился, давая ему дорогу.

- Послушай, Валя, тебе больно? Валя, ведь я не хотел этого! Что же это такое? Как же так? - растерянно бормотал Кашенцев, склоняясь над Руничем.

- Нет, ничего, я знаю... так, пустяки,- стонал раненый.

Струйский снял свою шинель; мы положили на нее Рунича и четвером подняли его. Он был тяжел, и наша печальная группа шла очень медленно.

По всей вероятности, у всех на душе было нехорошо и смутно. Бедный Забелин плакал, иногда всхлипывая, как ребенок. Он, должно быть, казнил себя за то, что придумал такое дикое развлечение.

Кашенцев шел понурясь у изголовья Рунича, лица его я не видел. Иногда он шептал:

- Как я мог попасть в него? Как это могло случиться?..

Рунич приподнимался на локте, хватаясь за грудь и слабо стонал.

Пробовали наложить перевязку, но в темноте изорвали рубаху, испачкали в

крови платки и ничего не сделали.

"Как нелепо, Боже мой, как нелепо! - думал я всю дорогу, почти не замечая усталости и дождя, который начал моросить мелкой частой сетью. Какая сила навела руку Кашенцева на его лучшего друга? Бесцельно, глупо... Хороши сильные ощущения!.."

Уже мы вошли в город и оглядывались, в надежде увидеть извозчика, но улицы казались вымершими... Свистел под крышами ветер и барабанил дождь.

Наконец, впереди блеснул тусклый огонь. Это раскачивался фонарь над гостиничным крыльчком.

На наш стук долго никто не отвечал. Наконец, выглянула из-за двери заспанная, всклокоченная голова босого коридорного.

Насиду мы растолковали ему, что нам нужно.

По шаткой, скрипучей лестнице добрались мы до грязного номера. Там мы опустили на деревянную кровать больного.

Он ослабел от тряски и дышал тяжело, бледный и сразу похудевший. Всё бельё, всё платье его, вся шинель были в густой, слипшейся крови. Я и Струйский расстегнули ему сюртук, разорвав простыни, забинтовали ему грудь. Рана была недалеко от сердца, у крайнего ребра; пуля застряла в груди.

Забелин, не переносивший вида крови, ушел разыскивать врача.

Кашенцев молча стоял над кроватью. Когда Рунич очнулся, он нагнулся над ним и сказал громко:

- Ты слышишь меня, Валя? Прости меня, я не хотел этого, слышишь?

Рунич открыл глаза и глянул на Кашенцева.

- Нет, нет, не надо, - слабо ответил он. - Так должно быть... ты прав...

Он замолк, опять высоко дыша всей грудью и откидывая назад голову, потом добавил:

- Я сейчас умру... так нужно... это хорошо, Павел... вот ты возьми тут... для тебя... есть... возьми...

Он приподнялся, почти сел, одною рукой шаря что-то на груди.

- Вот, возьми...

Кашенцев обнял его за плечи, желая уложить обратно на подушки.

- Хорошо, милый, потом...- сказал он.

- Нет, сейчас... вот тут...

Тогда, нащупав боковой карман на груди раненого, Кашенцев вынул оттуда клочок исписанной бумаги.

- Да, да, это... - закивал головой Рунич и сразу затих и перестал дышать.

А Кашенцев, бессознательно скомкав в руке бумажку, засунул ее в карман.

Больше больной не шевелился. Струйский подошел к нему.

- Умер! - сказал он тихо и перекрестился.

В дверях зашептала и замахала руками проснувшаяся гостиничная прислуга.

Я и Струйский прошли в соседний номер. Натянутые нервы упали. Ноги казались чужими, я бросился на диван, думая только об отдыхе.

- Когда он успел написать письмо? - спросил Струйский, садясь рядом.

- Какое письмо?

- Да то, которое он передал Кашенцеву...

- Не знаю, - почти равнодушно ответил я.

- Но кому оно?
- Родным, должно быть, - уж совсем через силу протянул я.
Вскоре вернулся Забелин.
- Сейчас придет доктор,- сказал он,- весь город объездил...
- Не надо...- махнул ему Струйский.

И Забелин без слов понял его.

Мы сидели так всю ночь, не раздеваясь, в грязном номере скверной гостиницы, всю долгую осеннюю ночь, то засыпая, то внезапно вскакивая и с недоумением озираясь по сторонам.

Кашенцев не приходил к нам; он оставался над покойником, над своим другом, которого любил больше всех нас. Иногда сквозь дикие завывания ветра и грохот дождя мы слышали, как он там плачет.

Потом внезапно какой-то оглушительный треск заставил меня проснуться. Уже в окно глядело серое утро.

Я испуганно стал прислушиваться. Больше ничего не было слышно, но мое сердце билось часто, и я чувствовал, что произошло что-то неладное.

Тогда я бросился в комнату, где лежал Рунич.

Сначала я ничего не увидел перед собою - свет двух оплывших свечей затуманил глаза. Но потом я вскрикнул от ужаса. Я не мог поверить. На полу у окна лежал Кашенцев. Лицо его почернело от крови.

Шатаясь, я взял свечу и стал перед ним на колени. Он был еще теплый, но уже не дышал.

- Кашенцев! - крикнул я и схватил его за руки.

Он молчал.

Тогда я потрянул его еще раз. Скомканная бумажка упала к моим ногам. Я поднял ее и поднес к свету. Она была вся выпачкана в крови.

Я прочел:

"Дорогой Валя, где же мы опять..." - в конце стояло: "твоя Зоя".

Я прикусил себе язык - так плотно стиснул зубы. Потом наклонил пламя свечи над письмом, и, только когда увидел, что от него остался один пепел, встал и пошел будить товарищей.

"Ничего, - думал я, - хорошо... пусть они считают всю эту историю нелепым, бессмысленным случаем... Я поступил умно... Пусть они думают, что Павел застрелился, не пережив смерти лучшего друга... Только я буду знать правду и не назову всё случившееся бессмыслицей, потому что я сейчас сжег письмо жены Кашенцева, обращенное к Руничу.

Мне стало холодно и жутко, но не было уже тяжело и не было жаль умерших. И когда все плакали, суетились, проклинали и роптали на нелепость смерти, я думал о том, какая мудрая и странная загадка наша жизнь.

1911, март

НЕГР ИЗ ЛЕТНЕГО САДА

М. А. Кузмину

I

Я знаю одну удивительно странную историю, страдательным действующим лицом которой явился некий барон фон-дер-Гац и - совершенно неведомо для себя - негр из летнего сада в Митаве.

Я познакомился с бароном фон-дер-Гац у него в имении лет пять тому назад.

Это было большое майоратное поместье, в несколько десятков тысяч десятин земли, почти целый уезд одной из наших остзейских губерний.

Старый замок, стилия древнегерманских крепостей, с высокими башенками, острыми шпилями, бойницами для пушек, - весь серовато-красный, окаймлялся густым парком, только незначительная часть которого, около дома, была расчищена; дальше тянулся почти девственный лес, с едва намеченными заглохшими аллеями.

Барон был в достаточной степени разорен и не мог поддерживать в должной мере великолепия родового поместья, но все-таки это не мешало ему, благодаря значительным доходам, жить безбедно и даже широко. Почти всегда в замке толпились какие-нибудь гости: соседи-помещики, друзья детства, однокашники, приезжавшие из разных концов России, наконец - петербургские знакомые.

Хозяин принимал радушно, хозяйка была очаровательна; что же удивительного в том, что никто не манкировал при случае завернуть в "Гацдорф" - так звали поместье - и оставались в нем почитай что неделями, совершенно не помышляя об отъезде.

Все знали барона как отличного хозяина, неутомимого работника, прекрасно-го семьянина. Женившись на дочери одного промотавшегося русского барина и не взяв за ней ничего, кроме красоты и молодости, он сейчас же бросил гвардейский полк, в котором служил, и, рассудив, что только при усиленном труде можно поддержать престиж рода своего и семьи, удалился в поместье и занялся хозяйством.

С шести часов утра, а то и раньше, в страдную пору, можно было видеть барона фон-дер-Гац уже бодрствующего, уже верхом на английской кобыле объезжающего тихую рысью свои владения, следящего за правильной порубкой леса, за жнивой, за выгоном скота.

Главного управляющего-агронома, до того бывшего в "Гацдорфе", барон выслал, как нечистого на руку, и управлялся со всем единолично, при помощи шести приказчиков, взятых из крестьян посмышленнее.

Только благодаря своему неусыпному бдению над родовым имуществом, барон пользовался относительным благосостоянием, что и заявлял многим своим приятелям не без гордости. И все, разумеется, согласились с ним.

Злые языки говорили, что, оберегая одну собственность, барон тем самым рисковал утратить другую - свою жену, так как будто бы ей очень скучно в старом барском гнезде, а скуки ради мало ли какие желания приходят в голову. Но всё это были не более как сплетни, непрременные спутники даже небольшого человеческого общества.

Баронесса была любезна, но не до фамильярности, учтива, но без утрировки, и никто не мог похвалиться ее особливым предпочтением. Правда, она любила развлечения и удовольствия, но это было в порядке вещей, так как ей недавно минуло всего лишь двадцать лет. Если изящное кокетство, оваянное легкой сентиментальностью и наивностью, почитать за порок, то только этим одним пороком обладала прелестная баронесса фон-дер-Гац.

II

Рождение барона праздновалось всегда с большою помпой. Число обычных гостей увеличивалось вдвое, иногда втрое, и много дней подряд шум праздного люда и гром музыки не смолкали над старым Гацдорфским парком.

Пикники, охоты, кавалькады сменялись танцами, фейерверками, обедами; казалось, возвращались былые дни, дни галантного рыцарства, когда деды и прадеды барона задавали пиры в честь своего ордена или военной удачи.

Хотя сам владелец замка и не очень долгоблывал шумное безделье этих дней, но таков был обычай, а главное - это доставляло неизъяснимую радость прелестной баронессе, которой барон не мог отказать в маленькой прихоти, памятуя, что ради него жена его забыла блестящее общество, свет, надолго, а быть может, навсегда похоронив себя в уединении деревенской глуши.

Рождение барона приходилось как раз в день Петра и Павла, когда лето в самом пышном уборе своем, когда начинается обольстительная охота на уток, водящихся в изобилии по озерам Гацдорфа.

Соседи, офицеры близ расквартированных кавалерийских полков, старые испытанные охотники, со всегдашними своими анекдотами о необычайных выстрелах и сверхъестественных удачах, с собаками всех пород и качеств, с ружьями, ягдташами, фантастическими охотничьими костюмами, стекались со всех концов в старый замок в дрожках, верхом и в колясках и располагались более или менее удобно в многочисленных комнатах замка и его флигелей.

На псарнях выли и грызлись собаки, в конюшнях ржали кони и бранились, похваляясь друг перед другом, кучера; на кухне повара - один постоянный, а другие взятые на время из ресторана соседнего уездного города - непрестанно стучали ножами и резали всякую живность.

В тот год, к которому относится мой рассказ, барон за несколько дней до своего рождения - ему в ту пору должно было минуть сорок лет - ездил в Митаву и привез оттуда вместе с запасами всякой снеди, как неожиданный презанятный сюрприз, целую труппу актеров открытой сцены Митавского летнего сада, среди которой выдающимся номером был настоящий африканский негр. Он танцевал в совершенстве экз-уок, достигая в нем удивительной выразительности.

Гости были поражены, баронесса от радости хлопала в ладоши. Ей очень было занятно узнать, как ест настоящий африканский негр и правда ли, что там у него в Африке женщины и мужчины ходят без туалета? Такая наивность прелестной хозяйки очень развеселила всё общество, а галантный негр оказался не только искусным плясуном, но и достаточно сведущим в языках французском, немецком и английском, на коих и отвечал учтиво на предлагаемые вопросы.

Баронесса осталась от этого в восхищении, что доставило барону несколько приятных минут сознания остроумности своего сюрприза.

Решено было построить в одном из углов парка балаган, в виде открытой сцены, где актеры должны были впервые показать свое искусство в день Петра и Павла на заходе солнца. Пока же - занялись приготовлением к охоте.

III

С зарею праздничного дня барон фон-дер-Гац со всеми гостями своими был уже на озере. Там и здесь раздавались веселые выстрелы охотников, там и здесь проносились косяки диких уток, там и здесь виднелись в струнку вытянутые хвосты легавых.

Белый туман быстро таял под лучами солнца, и розовое небо казалось лицом начисто вымытой русой красавицы.

Сосед барона - граф Боржевский - господин превысокого роста, с длинными белыми усами, длинным же носом и маленькими серыми глазами, шагал мед-